

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

"POSSEV"

Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache. Deutschland
Social and Political Review in Russian Language. Germany
Hebdomadaire Social et Politique en langue russe. Allemagne

Адрес Издательства и Редакции:

Frankfurt/Main, Merianstraße 24a. Verlag „Possev“

Выходит по воскресеньям

Цена номера в розничной продаже 70 пфен.

VIII ГОД

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 29 ИЮНЯ 1952 г.

№26 (317)

В ГЛУХОМ ТУПИКЕ

Большевизм вызвал к жизни любопытное явление: создание в тюрьмах СССР целых исследовательских институтов и конструкторских мастерских. Тюремным институтом, например, руководил известный технолог Рамзин, один из лучших в мире специалистов по котлостроению; другим — не менее известный авиаконструктор Туполев, создатель знаменитых АНТ'ов, впервые в истории пересекших северный полюс. Были и другие институты, менее известные: свирепо управлявшийся с неугодными людьми большевизм все же некоторых не уничтожал, а заставлял работать для себя в специально созданных для этого тюремных лабораториях. Примерно также поступает он и с миллионами других людей: они могут умирать в концлагерях, но предварительно должны отдать большевизму последние силы.

Творческая мысль, посаженная под замок, труд, подчиненный дубине и винтовке надсмотрщика — на языке большевизма, конечно, это можно назвать «трудовым исправлением». В действительности это есть не что иное, как циничное и жестокое издевательство над людьми.

Исходивший из формулы «бытие определяет сознание» большевизм мог допускать, что откровенно — принудительный труд в тюрьмах и концлагерях может быть производительнее свободного труда. На самом деле: поставленный в жестокие условия первобытной борьбы за существование и добиваясь возможности пользоваться хотя бы мнимой свободой, заключенный должен рваться из последних сил, чтобы сохранить свою жизнь и выйти из тюрьмы. Большевизм считал, что этим он извлекает для себя огромную пользу, и одновременно «переделывает сознание людей», превращая их в «людей социализма». Соблазн был большой — постепенно, в процессе развития большевизма, он и вообще труд в СССР превратил в принудительный, подчиненный приказу Политбюро.

Прошло время — сейчас даже Политбюро убедилось в том, что этот расчет никуда не годен: хвастать Политбюро решительно нечем. Еще в 1930 годах оно могло демонстрировать перед миром «достижения», посылая за границу артистов, музыкантов; оно устраивало выставки, оформленные талантливыми художниками; могло оно блеснуть и успехом отважных летчиков или строительством метро. Всё это восхищало мир, — но всё это питалось либо соками еще прежней русской культуры, либо могло вырасти из остатков, хотя бы и куцых, духа свободы первых лет революции.

Теперь, после окончательного закрепощения творческой мысли и труда в СССР, чем может похвастать Политбюро? Худосочной литературой, давно не переводящейся на иностранные языки? Бездарной живописью, эпигонски штампуемой «отца народов» или унылые колхозных и индустриальных пейзажей? Композиторами, которым в том же духе приказано сочинять «кантаты о Сталине» или о лесонасаждении? Построенными по чужим конструкциям самолетами или автомобилями? Строительством московского университета, возводимого заключенными? Волго - Донским «каналом пяти морей», на котором работали три - четыре шагающих экскаватора и тысячи заключенных с лопатами, подгоняемые первобытным дрыном?

Паническими воплями о «преобразовании природы» Политбюро хочет скрыть то, что ему уже очевидно: духовная и экономическая жизнь в СССР, взятая под замок и подчиненная приказу, опять зашла в глухой тупик. Её всё более и более охватывает смертельный склероз, который ни дубиной, ни фальшивыми призывами излечить нельзя.

Явственные симптомы этого склероза видны всюду. Они — в участвовавших статьях и фельетонах «Правды» о невыполнении планов, о развале хозяйства, об окончательном окостенении в бюрократизме и одновременно о разложении советского аппарата; они в кризисе искусства, которому опять нужно «перестраиваться», они во всё растущем сопротивлении активных сил страны, которым еще два года тому назад Сталин вынужден был робко пообещать возврат к свободе. И хотя все констатирующие эти явления статьи написаны «в бодром» тоне и пытаются как-то «исправить положение», тон их только маскирует тревогу власти, у которой нет больше средств для оздоровления жизни.

Оставаясь самими собой, рабовладельцы и не найдут путей оздоровления. К свободе они не обратятся и будут только так или иначе усиливать нажим на народ. И неминуемо в конце концов придут к гибели: жизнь, не терпящая в своем творчестве преград и всегда вырывающаяся из под любых замков, поставит на них крест.

Г. Андреев

ПО СТРАНЕ

ЛОЖКИ ДЕГТЯ

«Изжить» их не могут со своих страниц партийные газеты (надо же припугнуть разоблачением: мол, и до вас дойдет очередь!), хотя они, эти ложки дегтя, портят рекламное благополучие партийных потемкинских деревень.

Казахстанские колхозы. Состав комсомольских организаций в них, как узнаем из «Комсомольской правды» (№ 132), уменьшается. «Фактически во многих колхозах комсомольской организации нет». «Долгими месяцами, а подчас и годами, во многих колхозах не созываются комсомольские собрания». Там где созываются, — «из пятидесяти одного комсомольца на собрание являются... девять». В Аягузском районе в нынешнем году ни один молодой колхозник не принят в комсомол.

Дальше — еще знаменательнее: «В колхозных бригадах редко найдешь газету или книгу. Радио нет... Кинофильмов нет... За первые три месяца нынешнего года в 957 населенных пунктах не было ни одного киносеанса».

Комментарии к этой характеристике «самой передовой культуры» не нужны.

ЮБИЛЕЙНОЕ ПРЕСМЫКАТЕЛЬСТВО

10-летие книги Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Издана она 369 раз на 65 языках общим тиражом в 21,5 млн. экз. Как узнаем из юбилейных статей, 10 лет назад были опубликованы собственно лишь первые немногочисленные «выступления и приказы гениального вождя». Все остальное — включалось позже так сказать на ходу. Какие же основания отмечать десятилетний юбилей статей, написанных, скажем, в 1945 году?

Но задачи партийной агитации выше арифметики. Как можно упустить повод для очередного пресмыкательства в адрес диктатора, не повторить всего ассортимента паскудно - патетических речений и превосходных степеней («величайший», «глубочайший», «классический», «вошедший в золотой фонд исторической науки» и т. л.).

Двухлетие выступлений Сталина по вопросам языковедения. Опять-таки повод для агитационной кампаний. Академии и институты (даже сателлитные) по приказу партийных агитаторов, занятые поведением антинаучных восторгов по поводу рассуждений вождя. Специалисты самых раздроблен-

ных профессий, от композиторов до ветеринаров, вынуждены утверждать, будто три путаных статьи диктатора открывают им какие-то «перспективы»... — редкий пример «огосударственного» подхалимства и мракобесия!

«Политическая агитация — наше могучее оружие» — гласит заголовок передовицы «Правды» от 23 июня. Понятно: террор и агитация — два устоя, на которых держится полицейское тоталитарное государство.

Но ни к исторической, ни к какой другой науке все эти юбилеи угрюмо-бучеевских «трудов» не имеют никакого отношения.

БДИТЕЛЬНОСТЬ

Политическая основа так называемой «бдительности» в СССР — страх взвизгивающих перед народом, волчьих хватка за власть. Именно потому внедряет партийная держимордия бдительность в сознание и быт своих подъяремных (подозревай каждого — следи — доноси!). «Внедренная» бдительность сочетается с общей настроенностью граждан, живущих в полицейском государстве, и оборачивается подлинным идиотизмом осторожности: советский человек боится дать справку, указать адрес (а вдруг выдам «тайну»!), боится сфотографировать знакомого на улице (а вдруг фоном окажется какой-либо засекреченный «объект?»)

В плане проводимой с недавнего времени в советской печати «самокритики» счастливого быта Сергея Михалков в № 70 «Литературной газеты» рассказывает в стихотворном фельетоне следующее:

Чтобы сочинить басню о юбилее льва, ему понадобилась справка, какова вообще длительность львиной жизни. За справкой Михалков обратился в зоопарк.

«Звоню. Прошу помочь в неведенье моем.

Мне отвечают лаконично:

Подобных справок мы заочно не даем!

Зайдите лично!»

Но и при личном визите поэту в справке было отказано: от него потребовали официального письменного запроса.

Нелепо? — И, тем не менее, руководимые бдительностью рассуждения администраторов зоопарка вполне понятны: лев как-никак — царь зверей, лесной диктатор. И вдруг окажется, что львы живут семьдесят с небольшим лет, не больше. Выдашь такую справку, а в ней усмотрят вражеский намек на... И сделают выводы.

Сегодня в номере

Годовщина Союза русско - немецкой дружбы — Выступление

Э. Ройтера и Е. Романова ♦ Н. Аркадьев — Солнечная Грузия

♦ Жак Сорель — Парижский дневник ♦ А. Светланин —

Дальневосточный заговор